

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ГУМАНИТАРНАЯ ИНФОРМАТИКА

Выпуск 6

*Под ред. канд. ист. наук
Г.В. Можяевой*

Издательство Томского университета
2012

УДК 378:004
ББК 74.58
Г 93

Научный редактор –
канд. ист. наук *Г.В. Можаяева*

Гуманитарная информатика: Сб. статей / Под ред. Г.В. Можаяевой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. – Вып. 6. – 138 с.
Г 93

ISBN 978-5-7511-2058-0

Отражены некоторые результаты научно-исследовательской и методической работы коллектива кафедры гуманитарных проблем информатики философского факультета Томского государственного университета.

Рассмотрены методологические проблемы информационного общества, эпистемологические проблемы экспертного знания и искусственного интеллекта, развития информационной культуры, информационно-коммуникативного пространства, современные тенденции в развитии сетевых технологий в их применении к социально-гуманитарным наукам и образованию.

Для специалистов в области гуманитарной информатики, информатизации образования, преподавателей вузов, научных сотрудников, аспирантов.

УДК 378:004
ББК 74.58

ISBN 978-5-7511-2058-0

© Томский государственный университет, 2012

ИНФОРМАЦИОННЫЙ СКЕПТИЦИЗМ И ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ¹

В.А. Ладов

Обсуждается позиция информационного скептицизма, которая предстает в современных исследованиях в качестве одного из эпистемологического оснований теории информационного общества. Автор статьи фиксирует логические и эпистемологические затруднения данной позиции и предлагает свой вариант их преодоления.

INFORMATIONAL SKEPTICISM AND VIRTUAL REALITY

V.A. Ladov

The position of informational skepticism presented in contemporary investigations as an epistemological foundation of informational society theory is discussed in the article. The author fixes logical and epistemological difficulties of the position and offers an original way to overcome them.

Актуальность исследования виртуальных объектов в информационном обществе

В информационном обществе все более актуальными становятся вопросы, связанные с феноменом виртуальной реальности. Современный человек живет уже не только в базовой, идентичной для всех объективной реальности, но и в различных виртуальных пространствах, порождаемых средствами информационно-коммуникационных технологий. В этой ситуации наиболее острым и злободневным является эпистемологический вопрос о принципах различия реальных и виртуальных объектов, ответить на который человеку информационного общества оказывается все труднее из-за стремительно возрастающих возможностей ИКТ. С одной стороны, компьютерные технологии уже настолько искусно имитируют

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ (10-06-00039-а), Совета по грантам Президента РФ (МД-1685.2010.6), РГНФ (11-03-00039-а) и в рамках государственного контракта на выполнение поисковых научно-исследовательских работ для государственных нужд по федеральной целевой программе «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», мероприятие 1.1, проект «Онтология в современной философии языка» (2009-1.1-303-074-018).

реальный мир, что можно всерьез задаться вопросом, является ли предлагаемый средствами масс-медиа телематериал отражением реальной действительности или же умело выполненной инсценировкой (как известно, в свое время Ж. Бодрийяр высказал в качестве некоторой интеллектуальной провокации сомнение в реальности событий военных действий США в Ираке в 1991 году [1]). С другой стороны, события самой действительности оказываются порой столь неожиданными и обескураживающими, что не позволяют сознанию современного человека приписать им статус объективно существующих (например, прямой репортаж CNN о террористической атаке на башни Всемирного торгового центра в Нью-Йорке в 2001 году вначале некоторыми людьми был воспринят как очередной голливудский широкомасштабный боевик). Одна из отличительных черт информационного общества состоит как раз в том, что вопрос о критериях отличия реальных и виртуальных объектов, которым в прошлые эпохи задавалась лишь интеллектуальная элита в лице философов, становится актуальным на сегодняшний день для миллионов людей.

Эпистемологический скептицизм в истории философии

Для философии указанная выше проблема действительно не является новой. Напротив, она предстает как одна из классических проблем, обсуждаемых в традиции западной философии, начиная с Античности вплоть до наших дней. Каковы критерии истинности наших суждений о реальности? Способен ли человек иметь знание об объективном мире как таковом или же он всегда имеет дело только с собственными субъективными представлениями? Как отличить реальность от иллюзии? Этими вопросами задавались в Античности Протагор, Пиррон и Секст Эмпирик, в Новое время – Декарт, Юм, Кант, а в современной философии различные ответы именно на подобного рода вопросы порождают противостояние позиций реализма и антиреализма в онтологии и эпистемологии [2].

Позиция, в рамках которой высказывается сомнение по поводу возможности достижения объективного познания, именуется скептицизмом. При этом в истории философии неоднократно фиксировались как положительные, так и отрицательные стороны данного образа мысли. К положительным характеристикам скептической позиции, как правило, относилось то, что она способна стимулировать познающего субъекта на дальнейшие исследовательские поиски, методично оттачивать критическое отношение как к иным, так и к своим собственным убеждениям, развивать рефлексивные способности, избавлять мировоззрение от скрытых

предпосылок и т.д. Те, кто дает такую позитивную оценку скептицизму, не отрицают идею объективного познания как таковую, не отрицают возможность достижения объективного знания о действительности, скорее, они рассматривают скептическую позицию именно как методическую установку на реализацию максимально критического стиля мышления.

Когда же скептицизму дается отрицательная оценка, то, как правило, имеется в виду позиция, в рамках которой философ-скептик не оставляет никаких шансов для оптимистического настроения в отношении познавательной деятельности человека. Такой скептик полностью отрицает идею объективного познания, настаивая, что критерием истинности суждений не может выступать сама реальность, поскольку путь к ней всегда закрыт. Познание обусловлено спецификой чувственного аппарата субъекта, содержанием его мышления, своеобразием культуры, которой он принадлежит, и языка, на котором он говорит. И вот по отношению к данной позиции нередко высказывались упреки в том, что она является пагубной, разрушительной для человеческого мышления и мировоззрения в целом, ибо она обесмысливает познавательную деятельность, принижает статус человека как разумного существа, вызывает чувство интеллектуальной лени и приводит к интеллектуальному разложению.

Концепция информационного скептицизма

Процессы, происходящие в современном информационном обществе, заставляют философов пересматривать взгляды, выражаемые мыслителями прошлых эпох, по поводу многих классических философских проблем. Не исключением является и отношение к скептической позиции в эпистемологии. Так, один из наиболее интенсивно работающих современных мыслителей в области философского осмысления развития информационных технологий, автор концептуального направления философии информации Л. Флориди [3] утверждает, что отношение к скептицизму в наши дни может быть изменено. Позицию, которую мы выше условно охарактеризовали как положительный скептицизм, Л. Флориди называет умеренным скептицизмом [4. Р. 80], а то, о чем мы говорили как о скептицизме в отрицательном смысле, он именуется радикальным скептицизмом [4. Р. 76]. И если в отношении умеренного скептицизма Л. Флориди сохраняет классическую положительную оценку, признавая его важнейшую роль в процессе познания [4. Р. 80], то радикальному скептицизму он предлагает приписать иную, отличную от известных критических взглядов, характеристику.

На основании прояснения природы информации утверждается, что в условиях информационного общества радикальный скептицизм становится безобидным, безвредным [4. Р. 63]. Такая оценка признается уместной потому, что информация как таковая является экзистенциально ненагруженной. Мы можем передавать, обмениваться, хранить информацию, не принимая на себя, если говорить словами У. Куайна [5], никаких онтологических обязательств. Информация представляет собой определенный массив сведений о некотором объекте, причем количество этих сведений не возрастает и не убывает в зависимости от того, имеем ли мы дело с реально существующим объектом или же с искусственно сгенерированной фикцией.

Безвредность радикального эпистемологического скептицизма, который применительно к современным условиям Л. Флориди называет информационным скептицизмом, демонстрируется с привлечением понятий теории информации. В частности, Л. Флориди использует понятие «расстояние Хэмминга» (Hammingdistance) [4. Р. 74] для обоснования своей позиции.

В теории информации расстоянием Хэмминга между двумя последовательностями равной длины называют число позиций, в которых соответствующие символы различны. Иными словами, расстояние Хэмминга обозначает минимальное число замещений, требуемых для того, чтобы поменять одну последовательность на другую, или же число изменений, ошибок, которые переводят одну последовательность в другую [6].

Используя понятие расстояния Хэмминга, Л. Флориди приводит рассуждение, логику которого мы попытаемся воспроизвести.

1. Допустим, некоторая модель M является массивом информации о системе S (реальный мир). Причем качество этой модели таково, что расстояние Хэмминга в данном случае равно нулю ($hd_1 = 0$), т.е. модель M воспроизводит сведения об объектах системы S адекватно и в полном объеме.

2. Допустим далее, что имеется некоторая модель D , содержащая массив информации о системе V (виртуальный мир, идентичный реальному миру S). В соответствии с аргументацией радикального скептика мы должны заключить, что расстояние Хэмминга между моделями M и D также равно нулю ($hd_2 = 0$), поскольку скептик утверждает, что мы не можем провести различия между реальностью и фикцией.

3. Далее примем в качестве допущения, что модель D также адекватно и в полном объеме воспроизводит все сведения об объектах этого осо-

бого виртуального мира V , поэтому расстояние Хэмминга между D и V снова минимально ($hd_3 = 0$).

4. Из 1), 2) и 3) следует вывод о том, что у нас нет возможности определить, является ли M массивом информации о системе S , а не о системе V , поскольку обе системы S и V оказываются неразличимы. Таким образом, мы должны заключить, что расстояние Хэмминга в случае соотношения M и S на самом деле неизвестно ($hd_1 = ?$).

Положение 4) является тезисом информационного скептицизма, который, в соответствии с Л. Флориди, никак не вредит познанию. Отсутствие знания о расстоянии Хэмминга между моделью M и системой S не делает ущербным наше эпистемологическое предприятие в том случае, если мы действительно уверены, что $hd_2 = 0$ и $hd_3 = 0$. То есть если массив информации, содержащийся в модели, в принципе, адекватно и в полном объеме передает все сведения об объектах системы, то на этом информативность данной модели исчерпывается. От того, является ли эта система действительно существующей или же только особым, искусственно созданным виртуальным миром, объем информации в модели, описывающей эту систему, не увеличивается и не убывает.

Если, вслед за автором тезиса об эпистемологической безвредности информационного скептицизма воспользоваться образом из известного фильма «Матрица», то можно сказать, что у нас нет нужды глотать «красную пилюлю», которая бы помогла увидеть, каков мир на самом деле. Информативно эпистемологическая модель человека в Матрице является столь же состоятельной и завершенной, как и эпистемологическая модель человека, живущего в реальном мире, в том случае, если она адекватно и в полном объеме воспроизводит все свойства объектов некоторой системы, вне зависимости от того, существует ли эта система на самом деле или нет.

В конце своих рассуждений Л. Флориди заключает: «Нет никакого эпистемологического беспокойства в том, чтобы называть реальное виртуальным или виртуальное реальным, если они идентичны. Это лишь вопрос поэтического вкуса» [4. Р. 85].

Вопрос о критериях истины

Два нижеследующих параграфа данной статьи будут критическими. Сначала мы укажем на определенную непоследовательность, которую, на наш взгляд, демонстрирует Л. Флориди при изложении своей позиции, а

затем объясним, почему мы считаем тезис о безобидности информационного скептицизма ложным.

Автор концепции информационного скептицизма, приводя в пример известное изречение Цицерона «*Dubitando ad veritatem pervenimus*» [4. P. 80], говорит о том, что умеренный скептицизм полезен, ибо является своего рода движущей силой нашего познания на пути достижения истины. С этим мы не будем спорить. Однако все же остается вопрос о критериях истины. Ориентируясь на корреспондентную теорию истины в ее классической аристотелевской формулировке [7], мы должны признавать определенное суждение истинным в том случае, если оно называет существующим то, что действительно существует. Допустим, в суждении некоторому объекту *O* приписывается свойство *P*, однако при этом известно, что объект *O* является виртуальным, т.е. реально не существует. Но в таком случае последовательным представляется вывод о том, что если в действительности не существует объект как таковой, то он, на самом деле, и не является носителем каких-либо свойств. Приписываемое в суждении объекту свойство также является виртуальным, в реальности его нет. Таким образом, суждение, в котором некоторому объекту *O* приписывается свойство *P*, при условии, что объект *O* является виртуальным, называет существующим то, что на самом деле не существует, т.е., с точки зрения Аристотеля, является ложным. Суждения о виртуальных объектах не могут быть истинными в корреспондентном смысле.

Теперь следует поставить вопрос, формулируется ли понятие истины в концепции умеренного скептицизма в корреспондентном смысле. Когда говорится о том, что умеренный скептицизм помогает нам достичь истины, имеется ли здесь в виду под истиной суждение о действительно существующих фактах? Если ответ будет положительным, то мы можем указать на непоследовательность в том, чтобы одновременно принимать идею умеренного скептицизма, с одной стороны, и относиться к радикальному скептицизму как к безобидному – с другой. Дело в том, что радикальный скептицизм полностью отрицает возможность формулировки истинных суждений в корреспондентном смысле, т.е. отрицает возможность достижения знания об объективной реальности как таковой. Это означает лишь то, что радикальный скептицизм полностью обесценивает все предприятие умеренного скептицизма. Если достижение истины в принципе невозможно, то в чем смысл стремления к ней?

В ситуации информационного общества, когда главной ценностью становится массив информации об объекте, а все вопросы, касающиеся различия реального и виртуального, объявляются несущественными, ра-

дикальный скептицизм преобразуется в информационный. Этот информационный скептицизм, если ориентироваться только на объем информации в чистом виде, является, по мысли Л. Флориди, безобидным. Он не предполагает, что какая-либо информация об объекте будет для нас недоступна, если статус реального/виртуального трактовать как в принципе неинформативный. Но в таком случае концепция информационного скептицизма обесмысливает концепцию скептицизма умеренного, при условии, что понятие истины в умеренном скептицизме трактуется корреспондентно.

В этом нам видится предполагаемая непоследовательность позиции Л. Флориди. Однако данная критика, конечно же, имеет свои рамки. Она уместна только в том случае, если понятие истины трактуется корреспондентным образом. Вполне вероятно, хотя об этом в обсуждаемой работе в явном виде ничего не говорится, что автор концепции информационного скептицизма опирается на определенную версию когерентистского понимания истины.

Например, чтобы отличить яблоко от апельсина, для нас может быть информативным то, что яблоко зеленое, а апельсин оранжевый. Суждения о яблоке и об апельсине должны быть взаимно согласованы таким образом, что если одному объекту приписывается свойство быть зеленым, то другому – свойство быть оранжевым, но не наоборот. В таком случае эти два суждения будут истинными в смысле когеренции, т.е. внутренней согласованности системы, в рамках которой мы будем способны отличать яблоко от апельсина. При этом мы вообще оставляем в стороне вопросы, которые можно было бы поставить с точки зрения корреспондентной теории истины, а именно, в самом ли деле яблоку присуще свойство быть зеленым? Действительно ли существует сам объект, обладающий этим свойством? Персонажу «Матрицы» (или человеку информационного общества, в трактовке Л. Флориди), как мы можем догадаться, данные вопросы не представляются актуальными.

И если теперь предположить, что и в случае умеренного скептицизма речь также идет об истине, понимаемой в рамках когерентистской концепции, т.е. если мы считаем, что цель нашего познания состоит в построении максимально объемной и внутренне согласованной системы знаний (информации) об окружающих объектах, то умеренный скептицизм в самом деле оказывается вполне совместимым с идеей безвредности информационного скептицизма.

Аргумент от автореферентности

Тем не менее наша уступка по отношению к позиции Л. Флориди, которую мы только что сделали, является временной. На более глубинном уровне обсуждения становится понятным, что радикальный скептицизм, пусть даже и в его специфическом современном виде информационного скептицизма, не может быть безвредным для познания. Обоснованию этого тезиса посвятим настоящий параграф.

Способен ли философ информации сам обойтись только передачей информации? Способен ли он осуществить, так сказать, информативную редукцию, если использовать терминологию Э. Гуссерля [8]? Или все-таки утверждение бытия, утверждение существования некоторого факта оказывается существенным и для позиции самого философа информации? Например, когда философ информации продуцирует высказывание «Мы можем передавать информацию, не беря на себя каких-либо онтологических обязательств», передает ли он просто какой-то массив информации, не беря на себя никаких онтологических обязательств, или же для него все-таки важно утверждать данное положение дел как факт бытия? Можно данный вопрос сформулировать метафорически, снова используя образы «Матрицы»: когда философ информации продуцирует высказывание «Мы не нуждаемся в том, чтобы глотать красную пилюлю», делает ли он это после того, как сам уже эту пилюлю проглотил?

Нам думается, что при постановке подобных вопросов, сформулированных на основании аргумента от автореферентности, автор тезиса о безвредности информационного скептицизма должен испытать затруднение, поскольку выражаемая им позиция не соответствует тем средствам, с помощью которых она становится выраженной. Дело в том, что любое теоретическое построение, представленное в ассерторическом дискурсе, содержит, кроме информации, претензию на истину в корреспондентном смысле, т.е. на адекватное описание объективного положения дел. И ценность теоретического построения как раз и заключается в этой претензии. Когда тот или иной исследователь выстраивает свое учение о том или ином регионе сущего, то его задача состоит не в том, чтобы просто представить определенный объем информации, но в том, чтобы с помощью некоторой суммы аргументов обосновать истинность тезисов, содержащих информацию, т.е. обосновать, что положение дел в рассматриваемом регионе объективно именно таково.

Кстати, все это вполне вписывается в классическую для аналитической философии семантику Г. Фреге [9]. Предложение содержит мысль.

Но, кроме мысли, оно содержит еще и утверждение. Утверждение есть утверждение бытия факта, выраженного в мысли. Предложение «На улице идет дождь» содержит мысль о том, что идет дождь, но, кроме того, оно также утверждает существование самого этого факта в объективной реальности. Именно данным утверждением предложение «На улице идет дождь» отличается от вопросительного предложения «На улице идет дождь?», поскольку мысль, выраженная в этих двух предложениях, одна и та же.

Дискурс относительно объектов виртуального мира не может быть идентичен дискурсу об объектах реального мира даже в том случае, если реальный и виртуальный миры идентичны. Если предложение «На улице идет дождь» относится к объектам виртуального мира, например, если его произносит персонаж «Матрицы», то оно является ложным, поскольку пытается говорить о несуществующем, что оно существует. Если же данное предложение относится к объектам реального мира, то оно является истинным, поскольку говорит о существующем, что оно есть.

Автор позиции безвредности информационного скептицизма будет настаивать на том, что утверждение бытия некоторого факта неинформативно. Предложение «На улице идет дождь» предоставляет законченный массив информации о некотором факте без отношения к тому, идет ли речь о реальном или же виртуальном мирах. И в случае, если эти миры неразличимы, данный массив информации, выраженный в предложениях о реальном и виртуальном мирах, будет одним и тем же. Но, как показывает вышеизложенное рассуждение, этот тезис не правомерен. Если дискурс об объектах виртуального мира не идентичен дискурсу об объектах реального мира и если различие в этих дискурсах состоит в качестве утверждения бытия (в первом случае предложение ложно, а во втором истинно), то нужно признать, что качество утверждения все же информативно. Проще говоря, нам все же безразлично, истинны наши предложения в корреспондентном смысле или нет.

По крайней мере, это безразличие целиком и полностью охватывает теоретический асерторический дискурс. Претензия на утверждение бытия некоторого факта есть самая главная информация в асерторическом дискурсе. Когда философ информации продуцирует высказывание «Системы S и V информативно неразличимы», он сообщает нам информацию о реальном существовании такого факта. Он претендует на то, что правильно описывает определенное объективное положение дел. В данном случае философ пытается в своей концепции предоставить отчет о том, как на самом деле обстоят дела с информативностью системы, от-

ношением между реальным и виртуальным мирами, значимостью скептической позиции в эпистемологии и т.д.

Если бы тот или иной мыслитель просто излагал свои взгляды, никак не претендуя на правоту своей позиции, то философия, если использовать сравнение Б. Рассела [10], превратилась бы в праздную болтовню за чашкой чая, где какие-либо реплики участниками коммуникации произносятся не для того, чтобы что-то утверждать, а просто, чтобы поддержать разговор. Но на самом деле так задачу философии не представляют себе даже те современные антиреалисты и скептики, кто заявляет, что истина не является целью исследования и все, что мы можем делать в философии, это только осуществлять бесконечное переписание образов мира, которые сами по себе не могут претендовать на адекватное отражение реальности. Говоря так, они сами позиционируют определенный взгляд как истинный в корреспондентном смысле. Поэтому на заявления антиреалиста Р. Рорти, подобные следующему: «Такие философы (реалисты. – В.Л.) разделяют образ человеческих существ как машин, сконструированных (Богом или Эволюцией), среди прочих, для того, чтобы видеть вещи правильно. Прагматисты хотят освободить нашу культуру от такого самовосприятия...» [11. Р. 292], Х. Патнем совершенно справедливо замечает: «...я думаю, что, несмотря на все внешнее оформление, в рассуждениях Рорти сохраняется попытка сказать, что с точки зрения Божественного Видения его (Божественного Видения) не существует». [12. Р. 490]. Прагматисты хотят освободить нашу культуру от неверного воззрения на сущность человека. Они хотят показать нам, как правильно понимать человека, как увидеть его таким, каков он есть на самом деле.

Наш критический аргумент по отношению к позиции Л. Флориды аналогичен аргументу Х. Патнема по отношению к Р. Рорти. Х. Патнем указал на то, что само позиционирование теоретической концепции Р. Рорти не согласуется с тем содержанием, которое в ней представлено. В содержании своего теоретического построения Рорти настаивает на том, что следует исключить концепт корреспондентной истины из философии, но само это утверждение он делает на основании того, что знает, как на самом деле (т.е. исходя из корреспондентного понимания истины) должна осуществляться теоретическая деятельность, называемая философией.

С помощью такого же аргумента от автореферентности мы высказываем критическое соображение по отношению к автору концепции информационного скептицизма. Позиционирование тезиса о безвредности информационного скептицизма не согласуется с содержанием этого тезиса. Данный тезис состоит в том, что различие реального мира (системы S)

и виртуального мира (системы V) при условии, что все события в них идентичны (расстояние Хэмминга между S и V равно 0), неинформативно, и потому радикальное сомнение относительно возможности познания объективной реальности эпистемологически безвредно. Однако сам этот тезис представлен в теоретической разработке, которая претендует на адекватное описание объективной ситуации, связанной с ресурсами и возможностями познающего субъекта на основании исследования природы информационных процессов, т.е. он претендует на то, чтобы описать именно реально существующее положение вещей, и эта претензия – самое главное и наиболее информативное звено данной концепции. В содержании тезиса говорится о неинформативности различия реального и виртуального, но позиционирование данного тезиса осуществляется на основе значимости и информативности этого различия.

Если наш аргумент от автореферентности действует в отношении Л. Флориди точно так же, как действует аргумент Х. Патнема в отношении Р. Рорти, и если мы признаем, что различие между реальным и виртуальным все же принципиально значимо и информативно, то мы должны сделать отсюда вывод, что тезис об эпистемологической безвредности радикального скептицизма, предстающего в современной ситуации в качестве информационного скептицизма, является неверным. Радикальный скептик утверждает, что человек, осуществляя свою познавательную деятельность, никогда не сможет определить, имеет ли он дело с объективной реальностью или же лишь с некоторой кажимостью (виртуальностью), которая может быть сгенерирована на основании особого устройства его органов чувств, познавательного аппарата, языка, культуры или же на основании информационно-коммуникационных технологий современного общества. Если различие между реальным и виртуальным для теоретической рациональной деятельности признается нами принципиальным и если радикальный скептик утверждает, что это различие провести невозможно, то данная позиция является очевидно негативной, наносящей ущерб теоретическому мышлению, уничижающей его возможности, обесмысливающей его.

Попытки обойти аргумент от автореферентности

Но значим ли сам аргумент от автореферентности, на котором мы построили свою критику? Можно ли его преодолеть, указав на несостоятельность подобного хода рассуждения?

В XX веке, решая задачу преодоления теоретико-множественных и семантических парадоксов в философии математики и логике, были разработаны две хорошо известные концепции, критикующие идею автореферентности (или саморефлексивности), поскольку именно она объявлялась основанием возникающих парадоксов. Это была теория типов Б. Рассела [13] и семантическая теория А. Тарского [14].

Причем Б. Рассел недвусмысленно заявлял, что его теория типов, устанавливающая запрет на продуцирование автореферентных высказываний, позволит разрешить трудности не только в области философии математики, связанные с возникновением теоретико-множественных парадоксов, но и будет способна выступить своего рода логико-эпистемологическим оправданием скептицизма, поскольку классический аргумент, обвиняющий скептическую позицию в самопротиворечивости, также опирается на идею автореферентности [13]. А. Тарский подобных эпистемологических целей для своей семантической концепции не ставил, но в ней скептицизм также может попытаться найти надлежащую логическую защиту своей позиции.

Классический аргумент против скептицизма сводится к тому, что тезис радикального скептика «Все высказывания относительны» является самопротиворечивым. Сам этот тезис также представляет собой одно из высказываний, а значит, его продуцирование в качестве эпистемологически достоверного опровергает его же собственное содержание, в соответствии с которым построение эпистемологически достоверных высказываний невозможно.

С точки зрения различения языка и метаязыка, проведенного А. Тарским в его семантической концепции, неправомерной оказывается не позиция скептицизма, в которой утверждается, что истинность каких бы то ни было суждений релятивизируется относительно субъективных/интерсубъективных факторов познания (культурных, лингвистических, психических, биологических и т.д.), а как раз обвинение этой позиции в противоречивости. Считать высказывание «Все высказывания относительны» самопротиворечивым можно, только исходя из ошибочного смешения различных уровней языка. На самом деле, само это высказывание относится уже не к языку, который в данном случае предстает объектом, о котором что-то говорится, а к метаязыку, и поэтому никакой противоречивости в утверждении скептика нет. Его высказывание «Все высказывания относительны» вполне может быть абсолютным, и это не приводит нас к некоему мыслительному коллапсу, если только мы не забываем всякий раз проводить различия в уровнях языка, что, кстати говоря, для

естественного языка А. Тарский считал практически неосуществимым, обращаясь для проведения данных различий к искусственным языкам.

С помощью теории типов, как уже было сказано, также может быть высказана критика в адрес тех, кто пытается уличить эпистемологические воззрения скептицизма в противоречивости. Подобно тем выводам, которые были сделаны из семантической концепции А. Тарского, можно сказать, что формулировка логического затруднения данных скептических воззрений основывается на смешении высказываний разных типов. Высказывание «Все высказывания относительны» попадает в тип более высокого порядка, нежели те высказывания, о которых в нем идет речь. Видимость противоречия возникает из-за неоправданного смешения данных типов.

Несостоятельность рассмотренных концепций

Указанные выше концепции, в которых устанавливался запрет на построение автореферентных высказываний, а значит, и аннулировался критический по отношению к скептику аргумент от автореферентности, нам не представляются состоятельными. Они сами попадают в те же логические ловушки парадоксов, которые пытались преодолеть.

Так, теория типов Рассела, по сути, устанавливает запрет на универсалистский дискурс вообще. Нельзя говорить обо всем сразу, всегда следует помнить, что какое бы то ни было суждение может касаться только ограниченной предметной области. Следовательно, и истинностная оценка этого суждения также не может быть универсальной, она всегда должна релятивизироваться относительно того определенного круга предметов, который охватывается в суждении. Но как быть с самой формулировкой теории типов? Относится ли она сама только к определенному типу высказываний, охватывающих определенную, ограниченную предметную область, или все же представляет собой пример высказывания того самого универсального характера, запрет на которые она как раз и пытается установить? Формулируется ли сам принцип различения языка и метаязыка только еще в одном частном языке, по отношению к которому также возможна метапозиция, или же здесь используется некий универсальный язык, охватывающий собой все возможные лингвистические события? Когда Б. Рассел говорит о том, что общность классов в мире не может быть классом в том же самом смысле, в котором последние являются классами [15], разве он не формулирует то свойство, посредством которого можно собрать в некую универсальную общность классов все

возможные общности классов, а значит, и саму эту общность? Если это так, то сама формулировка теории типов представляет собой использование понятия класса всех классов, с которым она борется. Если это не так, то формулировка теории типов распространяется не на все возможные общности классов, а только на некоторые, допуская возможность существования иных общностей, находящихся в метапозиции по отношению к ней и руководствующимся иным, отличным от теории типов, принципом отношения между классами. В итоге теория типов сама оказывается в логическом тупике. На подобные трудности в обосновании данной теории уже вскоре после ее появления указал П. Вайсс [16], представивший подробные критические аргументы по отношению к ней.

В отношении семантической концепции А. Тарского хорошо известна критическая аргументация Х. Патнема, в которой используется метафора так называемого языка красных чернил [12]. Если красными чернилами записываются правила для всех возможных языков, высказывания которых записаны чернилами всех иных известных цветов, то каким цветом будут записываться правила для языка красных чернил? Если красным, то сам этот язык оказывается замкнут на самом себе, т.е. автореферентным. Если же мы должны предположить существование чернил иного, неизвестного нам цвета, то правила языка красных чернил не будут распространяться на этот новый метаязык, и высказывания, записанные новым цветом, могут регулироваться иными правилами, отличными от разработанной семантической концепции.

Актуальность идеи автореферентности для философии

То, что представленные в XX в. логико-семантические проекты не смогли аннулировать значимость аргументации, опирающейся на идею автореферентности, представляется нам крайне важным. На наш взгляд, идея автореферентности вообще является одной из определяющих для философии, фиксирующих сущность данного вида рациональной деятельности. В отличие от конкретных наук, которые ограничивают свои исследования определенным регионом сущего, философия всегда претендовала на то, чтобы быть универсальным знанием о сущем в целом. Собственно, в этом и состоит цель построения онтологической системы в философии – представить знание о сущем в целом на максимально высоком уровне общности. Выражение такого знания возможно именно в семантически замкнутом автореферентном языке, ибо только такой язык способен говорить обо всем, что есть, в том числе и о себе самом как

определенном виде сущего. Эту специфику философского мышления подчеркивает Ф. Фитч: «Характерная черта философии состоит в том, чтобы дотянуться до этого максимального уровня и быть способной использовать автореферентные виды рассуждения, которые возможны на этом уровне» [17. Р. 69].

Автореферентность имеет важнейшее значение для эпистемологии. Любая эпистемологическая концепция есть теоретическое построение о сущности, границах, нормах, идеалах и способах познания. При этом само построение той или иной конкретной эпистемологической концепции есть проявление познавательных возможностей рационального субъекта. Для того чтобы предметная область исследования любой конкретной эпистемологической концепции была полной, она должна включать и построение самой этой концепции как один из вариантов проявления познавательных процессов. Только при исследовании полной предметной области можно говорить о допущении всеобщего и необходимого знания, знания как такового, отличного от мнения, которое всегда характеризуется ограниченностью. Установить полный запрет на автореферентность – значит отказаться от концепта знания как такового в качестве регулятивной идеи познавательной деятельности.

Заключительные соображения

Радикальный скептицизм противоречив и потому несостоятелен. Демонстрация этого тезиса осуществляется при помощи аргумента от автореферентности, который признается нами одним из важнейших для философского мышления. Утверждение о невозможности достижения в процессе познания истины в корреспондентном смысле, т.е. знания об объективной реальности, высказывается в ассерторическом теоретическом дискурсе, который сам с необходимостью опирается на корреспондентную теорию истины.

В концепции информационного скептицизма Л. Флориды, в рамках которой выдвигается тезис о безвредности информационного скептицизма, также скрывается противоречие. И это неслучайно, поскольку данная концепция, по сути, тоже является скептической. Чтобы утверждать безвредность информационного скептицизма, нужно уже признать скептическую позицию правомерной, т.е. признать тезис скептика-радикалиста о том, что мы не способны отличить реальность от кажимости, отличить высказывание об объективной реальности от высказывания о виртуальном мире. Но само признание правомерности скептического тезиса осу-

ществляется в асерторическом дискурсе, исходя из корреспондентного понимания истины. Признать скептический тезис правомерным – это значит признать его истинным в корреспондентном смысле, т.е. адекватно описывающим то, как на самом деле обстоят дела с познавательным процессом и его возможностями.

Концепция информационного скептицизма Л. Флориди является даже, так сказать, дважды парадоксальной. Сначала в рамках корреспондентного понимания истины (т.е. в асерторическом теоретическом дискурсе) утверждается, что мы не способны формулировать истинные высказывания об объективном мире. Затем в тезисе о безвредности информационного скептицизма, опять же в рамках корреспондентного понимания истины, утверждается, что мы не должны беспокоиться по поводу своей неспособности формулировать высказывания об объективной реальности, т.е. расценивать их как истинные в корреспондентном смысле.

Позиция радикального скептицизма, представляющего в современной ситуации в виде информационного скептицизма, не является безвредной. Она является тупиковой для рациональной теоретической деятельности в целом и нуждается в преодолении.

В свою очередь, исследования в области философии информации и информационного общества, в частности, затрагивающие эпистемологические аспекты построения последовательной теории информационного общества, должны учесть указанные выше логико-эпистемологические затруднения. Нам представляется, что надлежащим эпистемологическим основанием для построения последовательной теории информационного общества может быть только реалистски ориентированная, антискептическая философия, трактующая бытие, познание и взаимоотношения реальных и виртуальных объектов на основе корреспондентной теории истины.

Тем не менее, несмотря на общую критическую оценку концепции информационного скептицизма, которую мы высказали в данной статье, невозможно не признать актуальность работы Л. Флориди в этом направлении. Обсуждение подобных, на первый взгляд, столь абстрактных вопросов, как возможность и условия применения скептической позиции в эпистемологии для описания событий в современном мире информационно-коммуникационных технологий, является, во-первых, значимым для построения фундамента теории информационного общества и, во-вторых, демонстрирует новые эвристические возможности философской рефлексии, оформляет новое лицо философии XXI в.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Baudrillard J.* Simulacra and Simulation. – University of Michigan Press, 1994.
2. *Dummett M.* Realism and Anti-Realism // *Dummett M. Dummett M.* The Seas of Language. – Oxford: Oxford University Press, 1996. – P. 462–478.
3. *Floridi L.* Philosophy of Information. – Oxford: Oxford University Press, 2011.
4. *Floridi L.* Information, Possible Worlds and the Cooptation of Scepticism // *Synthese*. – 2010. – 175.1. – P. 63–88.
5. *Куайн У.* О том, что есть // Куайн У. С точки зрения логики. – М.: КАНОН+, 2010. – С. 21–44.
6. *Hamming R.* Error detecting and error correcting codes // *Bell System Technical Journal*. – 1950. – 29 (2). – P. 147–160.
7. *Аристотель.* Метафизика // *Аристотель* Сочинения: В 4 т. – М.: Наука, 1976. – Т.1.
8. *Husserl E.* IDeezueinerreinenPhänomenologie und phänomenologischen Philosophie. – Tübingen, Niemeyer, 1993.
9. *Фреге Г.* Логические исследования. – Томск: Водолей, 1997.
10. *Russell B.* My Philosophical Development. – New York: Simon and Schuster, 1959.
11. *Rorty R.* Is Truth A Goal of Enquiry? Davidson Vs. Wright // *The Philosophical Quarterly*. – Vol. 45, No. 180, Jul., 1995.
12. *Патнем Х.* Реализм с человеческим лицом // *Аналитическая философия: становление и развитие*. – М.: ДИК, 1998. – С. 466–494.
13. *Уайтхед А., Рассел Б.* Основания математики: В 3 т. – Самара: Самарский университет, 2005. – Т. 1.
14. *Tarski A.* The Concept of Truth in Formalized Languages // *Logic, Semantics, Metamathematics*. – Oxford: Oxford University Press, 1956. – P. 152–278.
15. *Рассел Б.* Философия логического атомизма. – Томск: Водолей, 1999.
16. *Weiss P.* The Theory of Types // *Mind*. – 1928. – Vol. 37, No. 147. – P. 338–348.
17. *Fiuch F.* Self-Reference in Philosophy // *Mind*. – 1946. – Vol. 55, No. 217. – P. 64–73.